

МРШАВКО ШТАПИЧ

ПЛЕЙЛИСТ ВОЛОНТЕРА

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш87

Художественное оформление издания *Юлии Девятовой*

Издательство благодарит Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency за содействие в приобретении прав

Штапич, Мршавко.

Ш87 Плейлист волонтера / Мршавко Штапич. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-113742-7

Роман-true story от участника поисковых миссий известного отряда «ЛизаАлерт».

Принято много и подробно говорить о потерянных людях и жертвах, которых находят поисковые отряды. Но мало кто писал и пишет о людях, которые в эти поисковые отряды входят. Кто-то, надевая оранжевые спецовки, убегает от собственных проблем: от алкоголя и наркотиков, от нелюбимых и не любящих. От самих себя.

Но именно эти несовершеннолетние люди, бухая и греша, спасают чужие жизни. Каждый день.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113742-7

© Mršavko Štarić, текст, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1. «Ленинград»: «Про любовь»

В поиски пропавших меня привели блядство и беспечность одного вице-преьера. В определенный момент своей жизни он решил присутствовать восемнадцатилетней Гале – победительнице какого-то деревенского конкурса красоты: то ли мисс Смоленск, то ли мисс Брянск. Трахался он без гандона – за что и поплатился ребенком, зарегистрированным как безотцовщина на отличную от папиной фамилию, и вынужден был теперь втайне от жены обеспечивать жизнь «мисски» (гелик, квартира на Динамо, шмотки и другая труха).

Трахать Галю после родов, очевидно, было уже не так интересно – и, чтобы отвлечь ее от себя, он загрузил Галю работой. Так она стала председателем какого-то молодежного правительства, которое занималось непонятно чем, и владелицей пары бутиков, которые торговали всяким эксклюзивным, но никому не нужным тряпьем. Но недотраханной и – в сложившейся ситуации – несвободной девочке этого было мало. Тогда вице-премьер нашел продюсера, который пообещал замутить с ней программу на одном из федеральных телеканалов. Собственно, тут и понадобился редактор и сцена-

рист в одном лице. В этот момент — хоть и ненадолго — в жизни экс-«мисски» появился я.

Продюсер был изрядным мудаком и был приведен вице-премьеру «по знакомству». Эта цепочка в целом логична: мудаки знакомы с мудаками, подсовывают друг другу мудаков и работают по мудацким принципам; логично также и то, что я как бы замкнул собою эту вереницу. Продюсер сделал всё, чтобы просрать все 80к баксов, которые ему дали на «пилот»: взяв себе 60, на остальные 20 он попытался максимально ярко оправдать трату денег — но прокололся. Во-первых, он предложил снять социальное ток-шоу с репортажами самой ведущей, то есть Гали. Нужно ли объяснять, что героиня всего-то и умела, что крутить своими худыми, но привлекательными бедрами, а этого умения для репортажа маловато? В принципе, я бы оценил, если бы Галя виляла своей крепкой задницей перед старшаками-детдомовцами. Это была бы истинная благотворительность, в духе благородных девиц, отдававших целым ротам солдат перед последним боем. Во-вторых, чувак явно не понимал, какой я сценарист и редактор. Хуевый — по всем показателям.

Я любил выпить, любил митинги, и хорошо сек в «социалке». Первый свой год в «ящике» я провел корреспондентом на программе про инвалидов. Героями моих репортажей были brave летчики — прошедшие испанскую, финскую и Великую Отечественную войны два убойных деда из совета ветеранов, со своей фишкой: чтобы их ни-

Плейлист волонтера

кто не понимал, они переходили на испанский; «афганец», которому оторвало ноги, но он справился и стал депутатом Госдумы; ссущийся под себя алкоголик, «партизан»-чернобылец со страшным псориазом по всему телу; слепая от рождения девушка, которая обладала невероятным либидо, не ебалась только с мертвыми и при всяком удобном случае хватала мужиков за причиндалы, которые она как будто видела; глухие, которые мне подарили страшно крутые сюжеты – драки в полной тишине, разбавляемой легким хрустом челюстей и звуками тупых ударов. После я работал редактором на музыкальном шоу, так что Киркоров мог позвонить в час ночи и петь песню «Зайка моя», и я должен был это слушать, а я, в свою очередь, орал песню «Спасибо, родная», и это уже слушал Боярский, который сам того не желал, просто незаметно встал у двери первой студии «Останкино». Целый телесезон я писал шутки для самой несмешной программы с четырьмя ведущими женского пола. Каждый божий день я писал шутки, ни одну из которых в эфире они так и не произнесли нормально. Кроме того, я сделал еще 5–6 разных развлекательных проектов и еще десяток мероприятий, на которых в основном жрал фрукты и пил коньяк в примерках.

В общем, я уже видел жизнь с разных ракурсов, поэтому фантазия у меня работала, но исключительно цинично. К тому же я понимал кое-что в телке, и сразу определил смерть грядущего проекта.

Потому я, наверное, был последним, кому туповатый и жадный до усрачки мудака мог довериться. Тем не менее он доверился мне.

Я не сильно заморачивался с поиском темы. Тогда все СМИ стояли на ушах после образования волонтерского отряда по поиску пропавших. Прекрасное время империи, когда выяснилось, что в стране теряются люди и их вообще никто не ищет.

Подходящий для съемок сюжета случай подвернулся быстро, и в одно прекрасное ноябрьское утро мы сели в тачку продюсера, чтобы отправиться за 300 км от Москвы на поиски пропавшего вертолета. Вертушка пропала за неделю до, и шансов найти пилота живым не было; даже если бы он и выжил после падения, то замерз бы: в тверском лесу в ноябре довольно холодно.

«Легенда» была не очень интересной: пилот с малым налетом в одиночку решил метнуться на охотничью заимку; естественно, по старой русской традиции он не сообщил о вылете диспетчеру, поэтому отслеживали его уже после падения, и только по аварийному маячку, который, как показал поиск, почти бесполезен.

На опушке и вдоль дороги на протяжении метров трехсот стояли десятки машин волонтеров. Выделялся Hummer, который явно занимал лучшее место — у выезда с опушки, в самом центре, на небольшом бугре. Рядом толпились люди. Там, в середине столпотворения, мы нашли руководителей поиска: журналистку Риту Соловьеву и пред-

Плейлист волонтера

седателя отряда добровольцев Георгия Петрова. Риту я часто слушал в забавной программе на либеральном радио, где она была ведущей. Веселая обычно Рита резко контрастировала с мокрой Ритой на унылой опушке того, что в Твери называют лесом, а в остальном мире — болотом, поросшим деревьями. Где-то на этих ста квадратных километрах выработанного по большей части торфяника и лежал разбитый Robinson.

«Че, опять говорить надо будет?» — спросил Петров у Соловьевой, глядя на расчехлявшего камеру оператора. Поняв, что интервью давать не надо, Петров потерял интерес к нашей группе и вернулся к карте, на которой рисовал задачи для групп, то есть «координировал» поиск. «Для “России” снимаете? — спросила Соловьева. — Идите в поисковой группе. Большая просьба — на выходе покажите, что снимете. Ок?»

Нас быстренько затолкали в группу поисковиков, и уже через полчаса я, оператор и Галя в дорогом горнолыжном костюме ехали в «Ниве» по торфянику в компании какого-то кренделя, который считал себя экстрасенсом, и заебанного третьими сутками поисков, старшего в нашей группе, профессора физики Гущина.

Гущина напрягали рассуждения экстрасенса, и у них завязался спор. Гущин долго и популярно рассказывал об авиации, действии аварийных маячков и визуальном обнаружении на местности. Экстрасенс порол про дольмены, духов и прочую лабуду. С телевизионной точки зрения это было

похоже на обычное российское ток-шоу, посвященное чему угодно, кроме реальности. А реальность была такой, что у меня хватало сил только покрепче сжимать очко во время бесконечных скачков «Нивы» на колдобинах, и я не понимал, как Гуцин и экстрасенс могут вести более-менее связный диалог.

Битый час отечественная комбинация гроба и полного привода тряслась по дороге среди пустоши с чахлым березняком. Казалось, что в таком прозрачном месте невозможно не обнаружить вертушку с воздуха. Но пропавший Robinson R44 был белым, а пространство местами слегка припорошило снегом...

Когда «Нива» остановилась, местность оглушила невероятной, непроницаемой тишиной, и страшно стало покидать этот неопрятный аппарат.

Торфяник при каждом шаге гудел под ногами. Профессор Гуцин повел нас строем типа «гурьба» в наш квадрат — в километре от дороги. Я глотал сопли и жалел, что не надел шапку. Галя шла, наступая с носочка, чтобы под ней меньше гудела земля. «Не провалитесь, не переживайте», — твердил Гуцин и подавал Гале руку при малейшем препятствии. Оператор, почему-то оставивший чехол на опушке, нес камеру, укрывая ее курткой. Экстрасенс сосредоточенно всматривался в кусты. «Хочу поссать», — внезапно и грубо объявил он. Группа по указанию Гуцина остановилась. Ноябрьский снег падал мне в волосы и тут же таял. «Он тут», — проорал из мелколесья экстрасенс.

Плейлист волонтера

Позже авиационный комитет даст в отчете такую формулировку: «ВС было случайно обнаружено волонтерами, а не специальными службами, в районе, отработанном воздушными и радиотехническими средствами поиска». С одной стороны, желание экстрасенса поссать именно в этой точке – это действительно случайность. С другой стороны – ну не совсем же случайно он оказался в Тверской области, в середине торфяника, с полным мочевым пузырем.

За лужицей мочи в снегу, под березками, лежал Robinson R44, сложившийся в ровный белый металлический шар диаметром в метр. Рядом валялся хвост. Экстрасенс, оправляясь, развернулся к нам: «Как его, а... укатало».

Срубленные вершины берез четко указывали на то, что судно падало под небольшим углом, а не в пике. Вокруг были видны замерзшие куски мяса и костей, разбросанные в хаотичном порядке. Картинка страшная, но очень кинематографичная.

Галя впечатлилась и начала плакать. «Да это он с собой вез! – прокомментировал экстрасенс, глядя поочередно на мясо и Галю. – Труп-то вон!» И правда, труп ничком лежал метрах в десяти. Мужик лет 50 был на вид цел, но на самом деле труп, да еще лежалый. А мясо принадлежало лосю, которого покойный застрелил, разделал и вез с собой со своей далекой заимки.

«Галь, давай тут», – поставил я героиню на фоне разбитой машины. Галя, готовая на всё, немножко заплаканная, покрашенная как на тусовку, уста-

вилась в камеру. «Говори, как нашли» — команда подействовала мгновенно, и Галя без подготовки бросилась бормотать всякую чушь, искренне боясь оглянуться. Ей хотелось как можно скорее отделаться от своих впечатлений.

Так у нас получился репортаж про экстрасенса, который угадал, где лежит труп. Такой отчет здорово бы смотрелся вместе с выводами авиационного комитета. Меня это забавляло, потому что я не думал противиться краху этого странного «пилота». Хотя... проект был бы охуенным, если б наш «ящик» готов был к такому откровенному черному юмору, постмодернизму, столкновению любовницы вице-преьера и реальной жизни в ее экстремальных проявлениях. Честное слово, это можно было бы довести до уровня фантастических диалогов Невзорова и каннибала о заготовке человечины впрок, на зиму.

Волонтеры, продрогшие в осеннем лесу, были несказанно рады находке. Все порядочно устали бродить по торфяникам: поиск продолжался больше 7 дней. Этот факт, кстати, заставил меня изумиться: люди неделю торчали в лесу, чтобы найти нечто неживое, что полиция и спасатели уже перестали искать (а потом снова начали, но только из-за волонтеров, которые постоянно приезжали, днем и ночью).

Мы показали отснятое Рите Соловьевой. Рита смотрела на упавший вертолет без особого интереса. Потом развернулась: «Ты вообще единственный из телевизионщиков за всю мою практику, кто

Плейлист волонтера

показал картинку. Всё нормально». Тут же подскочила какая-то девка на каблуках, представилась пресс-атташе МЧС по региону и попросила видео. «А почему труп не сняли?» – «Ну, мы... как бы его не будем показывать», – пробормотал я, не сразу отыскав причину не снимать труп. Девка злобно буркнула: «А мне теперь туда ехать».

Через пару дней мы сняли студийный «пилот», который начинался словами любовницы вице-преьера: «Если государство не решает проблему, люди сами попытаются это сделать. И сделают это лучше государства».

Продюсер-мудак не заплатил мне ни копейки. А «пилот» так и не вышел – нигде и никогда. Впрочем, потом я видел Галю на канале, предназначенном для сомнительного пространства «СНГ». Она некоторое время скучно бубнила что-то с узбеками и белорусами об общем пути в социальном развитии. Настолько неинтересно было даже пытаться представить, куда же приведет этот путь Галю, белорусов и узбеков, что я не выдержал и выключил «ящик» уже через минуту.

Но – о главном. Мне понравились поиски. Это было гораздо лучше, чем получать по ебалу на митингах. И, кроме того, эффективнее. Ведь на митингах, кроме разбитого ебала, ты не мог получить ничего (ну, после 2012 года мог получить еще и статью), а поиски позволяли найти человека или его останки.

Мне было 23. За полгода до описываемых событий в день моего рождения Ленинград презен-

Мршавко Штапич

товал новый альбом – «Хна». На концерт мы пошли с – тогда еще – моей женой и парой друзей. Меня порадовало, что 2000 человек, $\frac{3}{4}$ из которых гетеросексуальные мужики, подпевают длинноногой рыжей красавице «я так люблю / когда большой и толстый хуй во мне». Юля Коган, та самая красавица, была настоящей дивой, чудесной феей, примой, которая творила нечто невероятное своим вокалом. Через неделю после концерта я расстался с женой. Поэтому вся «Хна» приобрела некий траурный, депрессивный окрас.

И вот – поиски. Мне 23, 23 с половинкой мальчику. До того я успел жениться, сделать двух детей, приобрести кучу вредных привычек, пройти пару ступенек по карьерной лестнице, а потом всё, кроме привычек, просрать. Впереди меня ждала любопытная эпоха. Эпоха поиска, в которую я входил с отчаянной песней «Про любовь», лучшим лирическим треком от Шнура, вышедшей прямо перед моим первым поиском.

2. Eminem: «Lose Yourself»

В течение месяца я несколько раз выезжал на поиски и познакомился с костяком отряда. На тот момент — человек 40, которые ездили постоянно. После поисков — удачных и не очень, а также просто в свободное время отряд в разных составах собирался в бургерной на Маяковской. Думаю, что часов 7–10 в неделю тогда у всех уходило на эти посиделки, которые приобрели какой-то кулуарный, нутряной характер. Благодаря общению в бургерной ты мог получить некие неформальные права: звонить людям посреди ночи с просьбой отвезти на поиск/забрать с поиска/присоединиться к поисковой группе; также ты мог получить приглашение на «закрытые» поиски — то есть на те, официальную информацию о которых могли не размещать вообще нигде: ни на форуме отряда, ни в Twitter (который быстро стал одним из основных способов связи).

Особое состояние жизни в волонтерской среде всегда подчеркивали позывные. Если в обычной жизни ты был, скажем, Васей, то тут мог стать «Белым магом» или кем еще. Некоторые, впрочем, оставляли свои фамилии; так поступил и я. Шта-